

Modality in the Spanish Verb Through the Lens of Academic Tradition: The Evolution of Concepts in RAE Grammars

Andrey N. Gurov

MGIMO UNIVERSITY,
76, prospect Vernadskogo, 119454, Moscow, Russia

Abstract. This article presents a comprehensive study of the categories of modality and verbal mood in the academic grammars of the Spanish language published by the Royal Spanish Academy (RAE) from 1973 to 2011. The relevance of the chosen topic lies in the fact that modality remains one of the most debated and challenging categories to describe in linguistics, and its treatment in academic grammars reflects not only the evolution of linguistic thought but also shifts in scientific paradigms within Hispanic studies. Thus, the RAE's academic grammars perform not only a normative function but also serve as a unique mirror of the development of theoretical approaches to describing linguistic phenomena, particularly modality and mood.

The theoretical part of the work examines the main approaches to defining modality, its nature, and its place within the system of grammatical categories in Spanish. Special attention is paid to the analysis of epistemic and deontic modality, as well as their grammatical expression through the system of verbal moods. It is emphasized that in Spanish, verbal mood is traditionally considered the primary, though not the sole, means of expressing modal meanings.

Using the material from RAE grammars, the article traces the evolution of views on the relationship between modality and mood: from a rigid opposition between *modus* and *dictum* in early works to more flexible and functional models in modern editions that take into account pragmatic and discursive aspects of modal form usage. The issue of terminological inconsistency and instability within the academic tradition is analyzed, related to differences in definitions and classifications of modal phenomena.

The article also discusses contemporary trends in linguistic research concerning the identification or, conversely, the differentiation of the concepts of modality and verbal mood. It is noted that some researchers associate specific moods with certain types of modality (for example, indicative with modality of reality, imperative with modality of necessity, subjunctive with modality of possibility), while others interpret modality more broadly, including not only grammatical but also lexical means of expression.

Keywords: modality, verbal mood, Spanish language, RAE, epistemic modality, deontic modality, grammatical evolution

For citation: Gurov, N.A. (2025). Modality in the Spanish Verb Through the Lens of Academic Tradition: The Evolution of Concepts in RAE Grammars. *Linguistics & Polyglot Studies*, 11(2), pp. 43–56. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2025-2-43-43-56>

Модальность испанского глагола сквозь призму академической традиции: трансформация концепций в грамматиках Королевской академии испанского языка

А.Н. Гуров

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. Настоящая статья представляет собой всестороннее исследование категорий модальности и глагольного наклонения в академических грамматиках испанского языка, изданных Королевской академией испанского языка (RAE) в период с 1973 по 2011 год. Актуальность выбранной темы обусловлена тем, что модальность остаётся одной из наиболее дискуссионных и сложных для описания категорий в лингвистике, а её трактовка в академических грамматиках отражает не только эволюцию лингвистической мысли, но и изменение научных парадигм в испанистике. Таким образом, академические грамматики RAE выполняют не только нормативную функцию, но и служат своеобразным зеркалом развития теоретических подходов к описанию языковых явлений, в частности модальности и наклонения.

В теоретической части работы рассматриваются основные подходы к определению модальности, её природа и место в системе грамматических категорий испанского языка. Особое внимание уделяется анализу эпистемической и деонтической модальности, а также их грамматическому выражению через систему глагольных наклонений. Подчёркивается, что в испанском языке глагольное наклонение традиционно рассматривается как основной, но не единственный способ выражения модальных значений.

На материале грамматик RAE прослеживается эволюция взглядов на соотношение модальности и наклонения: от жёсткого противопоставления модуса и диктума в ранних работах к более гибким и функциональным моделям в современных изданиях, где учитываются прагматические и дискурсивные аспекты употребления модальных форм. Анализируется проблема терминологической неоднородности и неустойчивости в академической традиции, связанная с различиями в определениях и классификациях модальных явлений.

В статье также обсуждаются современные тенденции в лингвистических исследованиях, связанные с отождествлением или, напротив, разграничением понятий модальности и глагольного наклонения. Отмечается, что часть исследователей связывает конкретные наклонения с определёнными типами модальности (например, изъявительное – с модальностью действительности, повелительное – с модальностью необходимости, сослагательное – с модальностью возможности), в то время как другие учёные трактуют модальность шире, включая в неё не только грамматические, но и лексические средства выражения.

Ключевые слова: модальность, глагольное наклонение, испанский язык, RAE, эпистемическая модальность, деонтическая модальность, грамматическая эволюция

Для цитирования: Гуров А.Н. (2025). Модальность испанского глагола сквозь призму академической традиции: трансформация концепций в грамматиках Королевской академии испанского языка. *Филологические науки в МГИМО*. 11(2), С. 43–56. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2025-2-43-43-56>

1. Введение

Изучение модальности представляет собой один из ключевых аспектов понимания грамматической системы испанского языка. Модальность как лингвистическая категория выражает отношение говорящего к действию или состоянию, отражая такие значения, как вероятность, необходимость, возможность или обязательность. Это явление не только демонстрирует сложность глагольной системы испанского языка, но и играет важную роль в передаче смысла и интерпретации высказываний.

Для анализа таких сложных и неоднозначных лингвистических категорий, как модальность, особенно важны авторитетные и систематизированные источники, предоставляющие нормативное и интерпретационное описание грамматических явлений. Испанский язык, будучи одним из наиболее распространённых в мире, используется более чем в двух десятках стран, имеющих разнообразные региональные языковые особенности и лингвистические традиции. В этих условиях сборники грамматики Королевской академии испанского языка (**Real Academia Española**) играют ключевую роль, выступая в качестве своеобразного стандарта, который способствует сохранению единства языковой нормы и поддержанию взаимопонимания между носителями языка независимо от географического и культурного контекста. Каждое издание отражает актуальное состояние лингвистической науки на момент публикации и эволюцию взглядов на язык и его категории.

Изучение модальности в контексте академических грамматик RAE позволяет понять, как эта спорная и не до конца изученная категория воспринималась на разных этапах развития лингвистической мысли. Академические сборники грамматики представляют собой не только нормативные, но и интерпретационные тексты, в которых фиксируются изменения и уточнения в трактовке модальности.

В данной статье будет предпринята попытка проанализировать категорию модальности, опираясь на корпус классических грамматик испанского языка, опубликованных Королевской академией в период с 1973 года (выпуск «*Esbozo*») по 2011 год (публикация последнего издания «*Nueva gramática de la lengua española*»). Исследование ставит целью проследить эволюцию трактовки данной категории в академической лингвистической традиции.

Методология исследования

Поставленные цели исследования определили выбор использованных в работе методов научного анализа. В частности, был применен **сравнительно-сопоставительный анализ**, позволяющий выявить различия и сходства в трактовке модальности в разных грамматических источниках, **дискурсивный анализ**, который помогает исследовать функционирование модальности в различных текстах, **контент-анализ** – для системного изучения содержания грамматик, и **семантический анализ** для выяснения значений, передаваемых различными модальными конструкциями. Эти методы в совокупности обеспечили всестороннее исследование рассматриваемой грамматической категории и позволили достичь поставленных целей работы.

Формирование корпуса

Первая классическая грамматика испанского языка, подготовленная Королевской академией, увидела свет в 1771 году. В прологе к изданию сказано: «*La Gramática [...] nos hace ver el maravilloso artificio de la lengua, enseñándonos de qué partes consta, sus nombres, definiciones, y oficios, y como se juntan y enlazan para formar el texido de la oracion*». За почти два с половиной века, прошедшие с тех пор, Испанская академия выпустила большое количество изданий «Грамматики», в которых анализировалось это «чудесное искусство языка». В течение продолжительного периода своей деятельности Королевская академия целенаправленно совершенствовала теоретические основы грамматики, стремилась устранить выявленные недостатки, систематизировать языковые категории, представить новые интерпретации лингвистических явлений и интегрировать достижения исследователей, деятельность которых развивалась за пределами институциональных рамок

Академии. Этот процесс представлял собой не только пересмотр существующих концепций, но и их критическое переосмысление, что обеспечивало последовательное развитие научной традиции и укрепление академического авторитета.

Однако в корпус нашего исследования вошли только те академические грамматики, которые были изданы RAE в период с 1973 года по настоящее время (последняя в 2011 году). Это объясняется тем фактом, что сам термин **модальность** и современная интерпретация этой грамматической категории возникли в лингвистике ближе к середине XX века, когда французский исследователь Шарль Балли, заимствуя термины «модус» и «диктум» из формальной логики Аристотеля, адаптировал их для обозначения лингвистической категории, отражающей субъективное отношение говорящего к содержанию высказывания, которую он назвал «модальностью». До 1973 года, когда была опубликована грамматика «*Esbozo de una nueva gramática de la lengua española*», последняя версия академической грамматики, «*Gramática de la lengua española*», вышла ещё в 1931 году. Такой значительный промежуток времени между изданиями объясняется сложностью и масштабностью задачи по обновлению и совершенствованию теоретических основ грамматического описания языка, а также историческими и политическими обстоятельствами, которые затрудняли проведение всесторонних лингвистических исследований и реформ в тот период.

Итак, в рамках данного исследования был сформирован корпус из 13 грамматик испанского языка, изданных Королевской академией Испании в период с 1973 по 2011 годы. Это позволило проанализировать эволюцию грамматической методологии Академии в указанном временном интервале и выявить ключевые изменения в её подходах и концептуальных ориентирах.

2. Основная часть

Теоретические контуры модальности в лингвистике

В ряде лингвистических исследований наблюдается тенденция к отождествлению категорий модальности и глагольного наклонения. Так, в работах¹ Ф. Палмер, Д. Лайонз, Б. Комри, В. В. Виноградова, В. Новикова изъявительное наклонение связывается с модальностью действительности, повелительное – с модальностью необходимости, а сослагательное – с модальностью возможности. Подобный подход отражает стремление учёных рассматривать наклонение как средство выражения различных модальных значений.

Однако существует и противоположная точка зрения, согласно которой модальность и наклонение рассматриваются как самостоятельные категории (А. Вежбицка, Д. Байби, С. Агилар, Е.В. Падучева)². Модальность понимается шире, охватывая не только грамматические формы наклонения, но и лексические средства, такие как модальные глаголы, наречия и вводные слова. В этом контексте наклонение выступает как один из способов выражения модальности, наряду с другими языковыми средствами.

2.1. Модальность

Понятие **модальность** уходит корнями в классическую формальную логику, где уже в трудах Аристотеля были выделены типы суждений: асерторические (констатация факта, напр. «*Солнце светит*»), проблематические (выражение возможности, напр. «*Дождь может пойти*») и аподиктические (утверждение необходимости, напр. «*Человек смертен*») [5]. Эта триада, дополненная противопоставлением достоверных (безусловно истинных) и вероятных (гипотетических)

¹ 1. Palmer, F.R. Mood and Modality. Cambridge University Press, 2001; 2. Lyons J. Semantics. Cambridge University Press, 1977; 3. Comrie, B. Tense. Cambridge University Press, 1985; 4. Виноградов В.В. Русский язык. Учебное пособие. 4-е изд. М.: Русский язык, 2001; 5. Nowikow, W. Sobre el modo y los modos. Itinerarios: revista de estudios lingüísticos, literarios, históricos y antropológicos, 2015. 22, 75–88.

² 1. Wierzbicka, A. Semantics: Primes and Universals: Primes and Universals. Oxford University Press, UK, 1996; 2. Bybee, J. The Evolution of Grammar: Tense, Aspect, and Modality in the Languages of the World. University of Chicago Press, 1994; 3. Zamorano, Aguilar A. Gramaticografía de los modos del verbo en español. Córdoba: Servicio de publicaciones de la Universidad de Córdoba, 2001; 4. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. Языки славянской культуры. Москва. 2004.

суждений, сформировала концептуальную основу для понимания модальности как категории, связанной с оценкой истинности и статусом пропозиции. Лингвистика, заимствуя данную классификацию, адаптировала её для анализа языковых средств, выражающих отношение говорящего к действительности – от уверенности до предположения или принуждения. Таким образом, логический каркас модальности стал отправной точкой для её интерпретации в языке, где семантические границы категории расширились за счёт прагматических и коммуникативных аспектов.

По мнению А.В. Бондарко, исследователи-лингвисты не раз ставили под сомнение само существование модальности как «реального семантического единства». Однако, несмотря на критические замечания, эта грамматическая категория «сохраняется как признанный предмет дискуссий», что является неоспоримым свидетельством реального существования «некоторых языковых значений, между которыми имеются определённые связи» [3].

Категория модальности как один из ключевых элементов языковой семантики привлекала внимание лингвистов различных школ и направлений. Её интерпретация эволюционировала от узкого понимания как выражения отношения говорящего к действительности до комплексной категории, охватывающей прагматические, когнитивные и социолингвистические аспекты.

Семиотический и структурный подходы

Первые системные исследования модальности связаны с работами Шарля Балли, который определяет модальность как «выражение отношения говорящего к содержанию высказывания», разделив её на *модус* (субъективное отношение) и *диктум* (объективное содержание). Этот дуализм заложил основу для дальнейших дискуссий [2].

Роман Якобсон, один из видных представителей структурной лингвистики, предложил новаторский подход к анализу модальности, интегрировав её в систему коммуникативных функций языка. Учёный акцентировал внимание на том, что модальность не существует изолированно, а тесно взаимодействует с грамматическими категориями **времени** и **лица**, которые он назвал «шифтерами» (*shifters*) – элементами, чьё значение зависит от контекста речевого акта. Например, глагольные формы времени и личные местоимения служат не только для передачи объективной информации, но и для выражения субъективной позиции говорящего: его уверенности, сомнения, оценки или волеизъявления [14].

Якобсон подчёркивал, что модальность, будучи связанной с **дейксисом** (указанием на участников коммуникации и ситуацию), становится инструментом «языкового эгоцентризма», где говорящий проецирует своё отношение на высказывание. Это позволило рассматривать модальность не как статичную семантическую категорию, а как динамическую систему маркеров, которые кодируют интенции, эмоции и социальные роли участников языковой ситуации. Например, модальные глаголы испанского языка (*deber, poder*) отражают не только гипотетичность действия, но и степень вовлечённости говорящего в коммуникативную ситуацию.

Подход Р. Якобсона расширил понимание модальности, включив в неё прагматический аспект: она стала трактоваться как механизм, связывающий грамматическую структуру с субъективностью речи.

Логико-семантические интерпретации

В 1970-х годах британский лингвист Фрэнк Палмер совершил значительный прорыв в изучении модальности, представив универсальную классификацию, разделяющую модальность на **эпистемическую** (отражающую степень уверенности говорящего в истинности пропозиции, напр., исп. «*Debe de estar lloviendo*» – «Должно быть, идёт дождь») и **деонтическую** (выражающую обязательство, разрешение или запрет, напр., исп. «*Debes terminar el trabajo*» – «Ты должен закончить работу») [18].

Палмер настаивал, что модальность – это не узкограмматическая, а общесемантическая категория, пронизывающая всё высказывание. Так, эпистемическая модальность в испанском языке может выражаться не только глаголом *poder* (*мочь*), но и наречиями (*quizás, tal vez* – «возможно»), инфинитивными конструкциями (*al parecer* – «по-видимому») или даже порядком слов.

Деонтическая же модальность, помимо императива, реализуется через модальные глаголы (*deber, tener que*), условные предложения (*Si hicieras esto... – Если бы ты сделал это...*) или перформативные высказывания (*Te ordeno que... – Приказываю тебе...*).

Учёный также подчёркивал, что модальные маркеры тесно связаны с прагматическим контекстом: например, испанское *deber* в эпистемическом значении (*Debe ser tarde – Наверное, уже поздно*) подразумевает логическое умозаключение, а в деонтическом (*Debes callarte – Ты должен замолчать*) – социальное предписание.

Исследования Ф. Палмера позволили систематизировать анализ модальных значений не только в рамках глагольных форм (наклонений), но и на уровне лексики, синтаксиса и интонации.

Функциональные и когнитивные модели

Работы В.В. Виноградова стали поворотным пунктом в изучении модальности, особенно в контексте славянских языков. В статье «О категории модальности и модальных словах в русском языке» [4] учёный радикально пересмотрел границы этой категории, включив в неё не только грамматические формы, но и лексико-синтаксические элементы: модальные слова (*конечно, возможно*) и частицы (*ведь, ли*). Такой подход позволил анализировать модальность как многоуровневый феномен, где субъективная оценка говорящего выражается не только через глагольное наклонение, но и через дискретные лексические единицы, формирующие смысловую перспективу высказывания.

По мнению учёного, модальность неотделима от категории предикативности, которая определяет отношение содержания предложения к действительности. Например, в русском предложении «Он, должно быть, опоздает» модальное словосочетание «должно быть» конкретизирует предикативность, указывая на гипотетичность события и скептическое отношение говорящего.

В лингвистике модальность традиционно понималась как грамматико-семантическая категория, однако в середине XX века этот взгляд начал пересматриваться в контексте поиска универсалий, актуальных для различных языковых систем. Значительный вклад в развитие данной дискуссии внесла Н.Д. Арутюнова, предложившая принципиально новую трактовку модальности как универсальной когнитивно-коммуникативной категории.

В отличие от предшествующих подходов, фокусировавшихся преимущественно на логико-грамматических аспектах (таких как утверждение, отрицание, вероятность), Арутюнова расширила понятие модальности, включив в него эмоциональные (оценка, экспрессия) и волевые (побуждение, намерение) компоненты [1], предложила рассматривать модальность как комплексный механизм, отражающий не только рациональное, но и эмоционально-волевое взаимодействие человека с действительностью.

Данная интегративная модель стала методологической основой для межъязыковых сопоставлений, поскольку выявила общие параметры анализа для разнотипных языков.

Современные прагматические и дискурсивные исследования

Современные исследования модальности активно развиваются в русле прагматики и теории коммуникации, где особое внимание уделяется роли модальных значений в организации речевого взаимодействия. Важной вехой в этом направлении стала работа Пола Портнера, в рамках которой автор интегрировал принципы «теории речевых актов» в анализ категории модальности [19]. Портнер предложил рассматривать модальные операторы (такие как «должен», «может», «возможно») не только как маркеры эпистемической или деонтической оценки, но и как инструменты управления коммуникативным контекстом. По его мнению, модальность регулирует распределение ролей в языковой ситуации: например, побуждение формирует ожидания адресата, а предположение – задаёт рамки для интерпретации информации.

Эрик Бюиссанс предлагает дихотомическую модель, разграничивающую социологическую и психологическую (экзистенциальную) модальности. Первая регулирует межличностные аспекты коммуникации через выбор глагольных форм в главной клаузе, вторая кодирует оценку пропозиционального содержания посредством зависимых синтаксических конструкций, причём оба типа подвержены влиянию интонационных и контекстуальных факторов [9].

Отаола Олано вводит функциональную дифференциацию, выделяя логическую модальность (истинностная оценка предиката) и оценочную (субъективную) модальность, подчёркивая тем самым двойственную природу отношения говорящего – к адресату и к содержанию сообщения [17]. Учёный интерпретирует модальность как инструмент социального взаимодействия, связывая её с речевыми актами (увещевание, декларация, допрос) и отвергая чисто психологические интерпретации в пользу социолингвистического подхода.

Семантический аспект проблемы раскрывается в исследованиях Байби и Флейшман [10], противопоставляющих модальность в качестве семантической универсалии наклонению как формально грамматизированной категории, реализуемой через систему глагольных парадигм. Это разграничение поддерживается Саморано Агиларом [27], который дифференцирует дискурсивную модальность и грамматическое наклонение, используя коммуникативную «модель Бюлера», выделяющую декларативную (ориентация на сообщение) и апеллятивную (ориентация на адресата) функции.

Анализ средств выражения модальности выявляет три основных пласта: лексический (номинативные и адвербиальные единицы), грамматический (временные и модальные глагольные формы) и фонетико-просодический (интонационные контуры).

Несмотря на терминологические расхождения, большинство концепций объединяет понимание модальности как средства вербализации отношения субъекта речи к пропозициональному содержанию и коммуникативному контексту. Ключевой задачей остаётся чёткое методологическое разграничение модальности как функционально-семантической категории и наклонения как её грамматического коррелята, что особенно актуально для языков с бедной морфологической системой, где модальные значения часто выражаются периферийными средствами.

Синтез исследовательских подходов: обобщение и перспективы

Проблема терминологической и концептуальной многозначности в исследовании модальности остаётся одной из ключевых дискуссионных тем в современной лингвистике. Это связано не только с разнообразием критериев анализа (семантических, прагматических, синтаксических), но и с парадигмальной неоднородностью исследований: например, в рамках логико-философской традиции акцент делается на истинностных значениях, тогда как функциональная лингвистика рассматривает модальность как инструмент коммуникативного воздействия. Добавляет неясности и терминологическая интерференция: понятие «лингвистическая модальность» часто смешивается с категорией грамматического наклонения. Как следствие, в научной литературе наблюдается многообразие дефиниций – от узких (модальность как выражение возможности/необходимости) до предельно широких (модальность как отражение позиции говорящего в дискурсе).

Несмотря на эти методологические разногласия, можно выделить два устойчивых вектора в изучении данной категории. Во-первых, значительная часть исследований, особенно в романistikе и германистике, связывает модальность с грамматическим наклонением (индикатив, субхунтив, императив): анализ форм наклонения служит отправной точкой для интерпретации модальных значений – например, субхунтив в испанском языке маркирует гипотетичность или желательность. Во-вторых, начиная с 1980-х годов наметилась тенденция к строгому разграничению модальности и наклонения. Если наклонение трактуется как морфосинтаксическая категория, ограниченная системой глагольных форм, то модальность понимается как функционально-семантическое поле, реализуемое через разноуровневые средства: модальные глаголы, модальные частицы, интонацию и даже порядок слов. Подобное толкование позволило, например, объяснить, почему в английском языке (с ограниченной системой наклонений) модальные значения компенсаторно выражаются лексико-синтаксически, а в русском – сочетанием глагольного вида и модальных наречий (Возможно, он пришёл бы).

Таким образом, современные исследования стремятся преодолеть терминологическую путаницу, рассматривая модальность как многоуровневый феномен, взаимодействующий с наклонением, но не сводимый к нему. Учёные сходятся во мнении, что даже в языках с развитой системой

наклонений (грузинский, турецкий, финский) модальность требует учёта экстралингвистических факторов – от эпистемических установок говорящего до культурных норм вежливости.

2.2. Глагольное наклонение

Категория глагольного наклонения традиционно определяется через три взаимосвязанных аспекта: формальное выражение модальности, отражение отношения говорящего к высказыванию и синтаксическая подчинённость. Однако современные исследования преимущественно фокусируются на первом аспекте, рассматривая наклонение как систему грамматических форм, кодирующих модальные значения. Второй аспект, связанный с субъективностью говорящего, сохраняет актуальность в рамках дихотомии *modus* (оценка) и *dictum* (содержание), тогда как синтаксический критерий подчинённости признаётся факультативным, что подтверждается данными типологических исследований (ср. использование сослагательного наклонения в независимых предложениях в испанском: ¡*Ojalá llueva!*).

Анализ подходов к наклонению выявляет две методологические тенденции. В рамках первого направления акцент делается на семантических факторах. Так, Т. Террел и Д. Хупер [26], классифицируя предложения по шести типам отношения говорящего, демонстрируют, что выбор между изъявительным и сослагательным наклонениями в испанском языке (*Es cierto que viene vs. Dudo que venga*) мотивирован взаимодействием синтаксиса и семантики. Э. Белл углубляет этот анализ, интерпретируя сослагательное наклонение как маркер «комментария» к событию [7]. По мнению учёного, сослагательное наклонение служит для выражения оценочного комментария по отношению к факту, который либо уже введён в дискурс, либо предполагается известным адресату. Например, в предложении *Lamento que no estés aquí* (Subj.) говорящий не просто констатирует отсутствие собеседника, но и эмотивно оценивает этот факт через главное предложение. В отличие от этого, изъявительное наклонение применяется: 1) когда придаточная клауза представляет собой нейтральное утверждение без оценочной нагрузки (*Afirma que llega a las cinco*), 2) когда отсутствует необходимость введения субъективного комментария. Белл подчёркивает, что даже в контексте отрицания выбор сослагательного наклонения (*No creo que sea verdad* вместо *No creo que es verdad*) обусловлен семантической интерпретацией говорящим степени достоверности события, а не автоматическим синтаксическим правилом.

Вторая тенденция, представленная синтаксико-семантическим направлением и прагматическими исследованиями, подчёркивает роль лексико-грамматических и контекстуальных факторов. И. Боске [8], критикуя «субъективистские» трактовки, показывает, что выбор наклонения в испанском языке с глаголами типа *lamentar*, *sentir* детерминирован их лексической семантикой, а не произвольным отношением говорящего.

Прагматический аспект модуса раскрывается в работах Э. Бустос и Ф. Кляйн³, которые анализируют связь наклонения с информативной структурой предложения. Так, использование изъявительного наклонения в испанском (*Dice que viene*) повышает когерентность дискурса, актуализируя общий фон знаний, тогда как сослагательное (*Dice que venga*) вводит новую или конфликтующую информацию. Однако прагматические критерии ограничены контекстом: например, вопросительные предложения (*¿Vendrá?*) выражают неуверенность без смены наклонения, что указывает на необходимость интеграции синтаксических и семантических параметров.

Ключевой проблемой остаётся синкретизм наклонения как грамматической категории. Представляется логичным исходить из «панлингвистического» подхода, учитывающего взаимодействие морфологии, синтаксиса, семантики и прагматики. Например, в русском языке сослагательное наклонение (*Я сделал бы*) объединяет модальное значение гипотетичности с морфологическим маркером прошедшего времени, демонстрируя связь с категорией времени. Возможно расширить

3 Bustos, E. *Pragmática del español, negación, cuantificación y modo*. Madrid: Universidad Nacional de Educación a Distancia, 1986.

Klein, F. *Restricciones pragmáticas sobre la distribución del subjuntivo en español*. En Bosque I. (Ed.), *Indicativo y subjuntivo*. Madrid: Taurus, 1990. P. 303–314.

эту модель, включив в неё лексические и текстовые факторы: выбор наклонения может регулироваться не только глаголом-предикатом (*хотеть* → сослагательное), но и типом дискурса (нарратив vs. инструкция).

Дискуссионным остаётся статус условного наклонения, которое в ряде языков (например, во французском *je ferais*) трактуется как самостоятельная категория, тогда как в других – как комбинация временных и модальных маркеров. Тем не менее, современные полипарадигматические подходы позволяют определить наклонение как **грамматикализованное средство выражения модальности**, функционирующее на пересечении семантической оценки, синтаксической структуры и прагматической интенции. Такой интегративный взгляд не только объясняет вариативность употребления наклонений в разных языках (ср. обязательное сослагательное в испанских придаточных после *esperar* и факультативное в аналогичных немецких конструкциях), но и подчёркивает динамическую природу категории наклонения как инструмента речевой стратегии.

3. Корпусный анализ в контексте исследования

В рамках исследования модальности в испанском языке обращает на себя внимание ограниченное количество попыток систематизации данной категории в классических грамматиках. Тема модальности остаётся периферийной для большинства грамматистов: авторы лишь пяти из тринадцати академических грамматик – Эмилио Аларкос Льорак [6], Сесар Эрнандес Алонсо [13], Анхела Ди Туллио [11], Эмилио Ридруэхо [22] и коллектив авторов последнего сборника грамматики RAE [20] – уделяют ей внимание, причём концептуальные подходы значительно варьируются, особенно в вопросах типологии.

Определение модальности трактуется большинством авторов через призму отношения говорящего к высказыванию. Сесар Эрнандес Алонсо расширяет это понятие, включая в него не только отношение к содержанию сообщения, но и к адресату, определяя модальность как «лингвистически маркированные установки говорящего по отношению к слушающему и высказыванию, выражаемые сегментными и супraseгментными средствами» [13, с. 363]. При этом он подчёркивает, что модальность не ограничивается глагольными формами, а «пронизывает всё предложение». Схожую позицию занимают авторы *Новой грамматики испанского языка* RAE, отмечая связь модальности с традиционным понятием модуса (*animus loquendi*) как выражения отношения говорящего к «содержанию сообщения» [20, §1.6d]. Однако в отличие от Сесара Эрнандеса Алонсо, авторы *Новой грамматики* сужают фокус до прагматико-синтаксического уровня, исключая из рассмотрения семантические подтипы пропозициональной модальности (эпистемическую, деонтическую и др.).

Эмилио Ридруэхо предлагает более дифференцированный подход: автор разделяет модальность высказывания (отношение к истинности пропозиции) и модальность речевой ситуации (отношение к участникам коммуникации), подчёркивая их взаимовлияние: «Одна и та же грамматическая категория может кодировать оба типа модальности» [22, с. 3211]. Это разграничение перекликается с типологией, представленной в *Новой грамматике* RAE, которая противопоставляет модальность коммуникативную модальности пропозициональной. Однако авторы *Новой грамматики испанского языка* подчёркивают, что пропозициональная модальность – включая её эпистемический, деонтический и алетический типы – хотя и признаётся семантической категорией, выражающей отношение к содержанию высказывания, исключается из их исследования. Работа сосредоточена на формально выраженной модальности, то есть грамматически маркированных типах, реализуемых через синтаксические средства (глагольное наклонение или модальные элементы).

Типологические различия между авторами проявляются в критериях классификации. Э. Ридруэхо считает наиболее релевантным для испанского языка разделение модальности на эпистемическую и деонтическую, отмечая, однако, возможность выразить их схожими маркерами. Эмилио Аларкос Льорак связывает модальность с интонацией, интерпретируя мелодическую кривую

как супraseгментный знак, который «накладывается на высказывание, передавая коммуникативные интенции говорящего: утверждение, воздействие на адресата или экспрессию» [6, с. 397]. Подобный подход актуализирует роль просодии в модальных различиях, что редко учитывается в традиционных грамматиках.

А. Ди Туллио противопоставляет модальность (семантическую категорию) глагольному наклонению (морфосинтаксическому явлению), выделяя три способа её выражения: вспомогательные глаголы (*poder, deber*), дискурсивные маркеры и адвербиальные конструкции. Однако отсутствие чёткого определения модальности у автора затрудняет однозначную интерпретацию представленной классификации. Например, связь модальности с «фактичностью события» [11, с. 215] частично пересекается с эпистемическим подходом Э. Ридруэхо, но не получает терминологической конкретизации.

Таким образом, анализ классических грамматик выявляет концептуальные расхождения в трактовке модальности, которые проявляются в различных подходах: узкосинтаксическом, семантико-прагматическом и просодическом. Такая методологическая разнородность, отражающая фрагментарность исследований, подчёркивает необходимость интегративного подхода, объединяющего формальные (синтаксические) и функциональные (смысловые, прагматические) аспекты категории. Подобный синтез представляется перспективным направлением для дальнейших изысканий в области изучения категории модальности.

4. Эволюция подходов авторов академических грамматик к определению категории глагольного наклонения

Исследование категории наклонения в испанской лингвистике демонстрирует разнородность взглядов. Традиционно анализ концентрируется вокруг противопоставления содержания высказывания и способа его презентации, однако концептуальные границы между модусом, модальностью и собственно наклонением остаются предметом дискуссий.

4.1. Авторы, придерживающиеся классической дихотомии: диктум vs. модус

В рамках первого подхода ключевыми работами выступают труды Королевской академии испанского языка [21] и Эмилио Аларкоса Льюрака [6]. Авторы опираются на аристотелевское разделение диктума и модуса, где модус интерпретируется как форма репрезентации содержания через призму ментальной установки говорящего. Авторы RAE определяют глагольное наклонение как грамматический инструмент выражения модальности, то есть отношения говорящего к диктуму. Аларкос Льюрак уточняет, что наклонение материализуется через морфемные вариации глагола (индикатив, субхунтив, императив), тогда как модальность трактуется как более широкая категория, включающая интонационные и прагматические аспекты. Важно отметить, что авторы *Esbozo* избегают синонимизации модальности и наклонения, дифференцируя грамматическую форму (наклонение) от семантико-прагматического содержания (модальность).

4.2. Наклонение как выражение отношения говорящего: функциональные и прагматические подходы

В рамках второго подхода, представленного в работах М. Мингеса и М. Секейроса, Гонсалеса Араньи и Эрреро Айсы, Маркоса Марина, М. Секо, акцент делается на психологической установке говорящего. М. Мингес и М. Секейрос [16] связывают три наклонения (индикатив, субхунтив, императив) с тремя типами эпистемических позиций: утверждение реальности, гипотетичность и повелительность. Однако подобная трактовка, на наш взгляд, провоцирует терминологическую путаницу, поскольку модальность начинает восприниматься как подкатегория наклонения, а не как независимая семантическая категория.

Гонсалес Аранья и Эрреро Айса [12] расширяют понятие наклонения, включая в него не только морфологические формы глагола, но и перифразы, стилистические маркеры и текстовые «модализаторы». Это приводит к концептуальному наложению: наклонение как грамматическая

категория частично поглощает модальность, которая в классической традиции относится к сфере субъективных оценок (эпистемических, деонтических, алетических).

Аналогичный эклектизм характерен для Маркоса Марина [15], разделяющего наклонения по двум критериям: отношение к сообщению (индикатив/субхунтив) и к адресату (императив). Инфинитив при этом трактуется как модально нейтральная форма, что противоречит его функциональной поливалентности в испанском синтаксисе.

М. Секо [24], определяя наклонение через оппозицию «реальное/ ирреальное/ потенциальное», фактически редуцирует модальность до грамматического уровня, игнорируя её связь с контекстом и интенцией говорящего. Нам представляется, что подобные интерпретации отражают устаревшую тенденцию к отождествлению наклонения с модальностью, тогда как современные исследования подчёркивают необходимость их разграничения: наклонение – морфосинтаксический маркер, модальность – функционально-семантическая категория.

4.3. Наклонение как инструмент выражения модальности

Сторонниками этого подхода в первую очередь являются Эрнандес Алонсо [13], Э. Ридруэхо [22] и авторы академической грамматики [20]. В этих исследованиях сделана попытка не только детально проанализировать категорию наклонения, но и интегрировать семантические, синтаксические и прагматические аспекты в её интерпретацию. Так, Эрнандес Алонсо подчёркивает двойственную природу наклонения: с одной стороны, оно выступает формальным маркером модальности, с другой – отражает отношение говорящего к содержанию высказывания и коммуникативной ситуации. Учёный приходит к выводу, что критерий синтаксического подчинения не может служить универсальным дифференцирующим признаком для определения наклонения, поскольку его роль варьируется в зависимости от структурных особенностей конкретного языка.

Более систематизированный подход демонстрируют авторы Новой грамматики RAE, которые дают следующее определение глагольного наклонения, связывающее морфологическую категорию с семантико-прагматической функцией:

«Se llama MODO la categoría que pone de manifiesto en la inflexión verbal la actitud del hablante hacia la información que se enuncia. El modo expresa también la dependencia formal de algunas oraciones subordinadas respecto de las clases de palabras que las seleccionan o de los entornos sintácticos en los que aparecen» [20, с. 42].

Это определение, сохраняя преемственность с ранними работами (Esbozo, 1973), расширяет понимание наклонения за счёт включения лексико-синтаксических переменных. Если в *Esbozo* акцент делался на наклонении как отражении субъективной позиции говорящего, то в *Новой грамматике* вводится многофакторный анализ, учитывающий взаимодействие морфологии, семантики и синтаксических структур. Подчёркивается, что выбор наклонения зависит не только от степени достоверности сообщаемого, но и от лексического наполнения высказывания и его синтаксического окружения, что делает категорию модальности полифункциональной. По мнению авторов Грамматики наклонение используется для:

... establecer ciertos actos verbales, para marcar el régimen que corresponde obligatoriamente a las oraciones que complementan a determinados predicados, para mostrar el grado de compromiso del hablante con lo que afirma, para indicar la naturaleza específica o no específica de los grupos nominales, para presentar ciertas informaciones como nuevas o conocidas, o bien como no conocidas ni experimentadas, y también para determinar el ámbito sintáctico de ciertos operadores... [21, с. 1866].

Э. Ридруэхо [22] развивает эту идею, выделяя императив в отдельную модальную категорию, связанную с деонтической апеллятивной функцией (приказ, просьба). Однако он отмечает, что императив не сводится к прямому побуждению, обладая потенциалом для косвенных иллокутивных актов (советы, предупреждения). Это согласуется с современными прагматическими исследованиями, в которых подчёркивается контекстуальная гибкость модальных форм. Э. Ридруэхо также указывает на необходимость разграничения собственно модальных значений глагольных форм и их вторичных функций, возникающих в дискурсе.

4.4. Функционально-прагматические трактовки модальности и наклонения

Ряд исследователей, включая Санчеса Маркеса, М. Серрано и Ди Туллио, воздерживаются от чётких дефиниций наклонения. Санчес Маркес [23], не предлагая собственной трактовки, систематизирует существующие подходы, разделяя формы на личные (индикатив, субхунтив) и неличные (инфинитив, герундий, причастие). Однако он выражает сомнение в правомерности отнесения неличных форм к наклонениям, указывая на их гибридный статус между глаголом и именем.

М. Серрано акцентирует методологические трудности изучения наклонений, обусловленные их зависимостью от семантических, прагматических и дискурсивных факторов:

Conocer exhaustivamente el funcionamiento de los modos es una tarea aún pendiente en la gramática del español, debido a la diversidad y cantidad de factores de tipo semántico, pragmático y discursivo que intervienen en sus distintas construcciones discursivas. [25, с. 137].

Подобная позиция отражает общий тренд в лингвистике конца XX века, когда рост интереса к когнитивным и коммуникативным аспектам языка привёл к пересмотру жёстких грамматических категорий (см. работы Р. Лангакера).

Проведённый анализ эволюции подходов Королевской академии испанского языка и ключевых работ, посвящённых модальности, позволяет сделать вывод о том, что отсутствие единого и чёткого определения подчёркивает пограничный статус этой категории, который находится на пересечении морфологии, семантики и прагматики. Если авторы *Новой грамматики* [20] и Э. Ридруэхо [22] стремятся к синтезу формальных и функциональных критериев, то другие исследователи, избегающие жёстких дефиниций, обращают внимание на методологические сложности и дискуссионный характер этой категории. Эволюция грамматической мысли демонстрирует переход от попыток жёсткой категоризации к признанию динамической природы языковых явлений, что требует обращения к функционально-коммуникативной парадигме. В её рамках наклонение трактуется как система грамматических оппозиций, а модальность – как многоуровневый механизм выражения субъективных смыслов.

5. Заключение

Настоящее исследование посвящено анализу категорий модальности и глагольного наклонения в корпусе испанских грамматик, опубликованных в период с 1973 по 2011 год. В рамках работы был проведён обзор теоретических подходов к концептуальному разграничению данных категорий, что позволило выявить ключевые проблемы их интерпретации. Основное внимание было уделено широкой трактовке модальности как «отношения говорящего», которое охватывает как субъективную позицию говорящего, так и его коммуникативное взаимодействие с адресатом. В то же время глагольное наклонение было определено как грамматическая категория, связанная с морфологией глагола, но подверженная влиянию множества текстовых и контекстуальных факторов.

Анализ корпуса выявил следующие тенденции:

1. Недостаточное внимание к модальности: большинство авторов либо не рассматривают модальность как самостоятельную категорию, либо ограничиваются её упоминанием без чёткого определения.

2. Терминологическая путаница: часть авторов смешивает модальность с глагольным наклонением, что обусловлено определением последнего через «отношение говорящего». Подобная трактовка, характерная для ряда грамматик, приводит к концептуальному наложению, поскольку «отношение говорящего» является скорее семантической характеристикой модальности, а не грамматической особенностью наклонения.

Только пять авторов – Аларкос Льорак [6], Эрнандес Алонсо [13], Ди Туллио [11], Эмилио Ридруэхо [22] и авторы *Новой грамматики* испанского языка [20] – демонстрируют принципиальные различия между модальностью и глагольным наклонением, не предлагая, однако, систематизированного и чёткого разграничения данных категорий.

Что касается определения глагольного наклонения, анализ показал, что ни один из авторов не использует синтаксический критерий в качестве основного. Это свидетельствует о доминировании семантического подхода в испанской грамматической традиции.

Нам представляется, что отсутствие единого подхода к определению данных категорий подчёркивает необходимость дальнейшего изучения их взаимодействия в рамках функционально-коммуникативной парадигмы, учитывающей как грамматические, так и семантико-прагматические аспекты.

© А.Н. Гуров, 2025

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы. Москва: Наука, 1976. 383 с.
2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. 2-е изд., стереотипное. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 416 с.
3. Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность /А.В. Бондарко, Е.И. Беляева, Л.А. Бирюлин (отв. ред. А.В. Бондарко). Л.: Наука, 1990. 263 с.
4. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке. Труды Института русского языка. Т. 2, 1950.
5. Новая философская энциклопедия. Т. 2. Москва: Мысль, 2010.
6. Alarcos Llorach E. Gramática de la lengua española. Madrid: Espasa, 1994.
7. Bell A. El modo en español: Consideración de algunas propuestas recientes. En Bosque I. (Ed.), Indicativo y subjuntivo. Madrid: Taurus, 1990. P. 81–106.
8. Bosque I. Indicativo y subjuntivo. Madrid: Taurus, 1990.
9. Buysens E. Modes et modalités. Bulletin Academie Belgique, 68, 1982. P. 21–32.
10. Bybee J & Fleischmann S. Modality in grammar and discourse. Amsterdam/ Philadelphia: John Benjamins, 1995.
11. Di Tullio Á. Manual de gramática del español: desarrollos teóricos, ejercicios, soluciones. Buenos Aires: Edicial, 1997.
12. González Araña C., Herrero Aísa M. Manual de gramática española: gramática de la palabra, de la oración y del texto. Madrid: Castalia, 1997.
13. Hernández Alonso C. Gramática funcional del español (3ª ed.). Madrid: Gredos, 1996.
14. Jakobson R. Shifters, Verbal Categories and the Russian Verb // Jakobson R. Russian and Slavic Grammar. Studies 1931–1981. Mouton Publishers. Berlin – New York – Amsterdam, 1984. P. 41–58.
15. Marcos Marín F., Viejo Sánchez M., Satorre Grau F. Gramática española. Madrid: Síntesis, 1998.
16. Mínguez N., Sequeiros M. Gramática del español moderno. Madrid: Santillana, 1996.
17. Otaola Olano C. La modalidad (con especial referencia a la lengua española). Revista de Filología Española, 68 (1), 1988. P. 97–117.
18. Palmer F. Mood and Modality. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.
19. Portner P. Modality. Oxford University Press. New York, 2009.
20. Real Academia Española & Asociación de Academias de la Lengua Española. Nueva gramática de la lengua española. Barcelona: Espasa, 2009.
21. Real Academia Española. Esbozo de una nueva gramática de la lengua española (8ª reimposición). Madrid: Espasa Calpe, 1973.
22. Ridruejo E. Modo y modalidad. El modo en las subordinadas sustantivas. En Bosque, I. & Demonte V. (Dir.), Gramática descriptiva de la lengua española. Vol. 2 (P. 3209–3251). Madrid: Espasa Calpe, 1999.
23. Sánchez Márquez M. Gramática moderna del español: teoría y norma. Buenos Aires: Ediar, 1982.
24. Seco M. Gramática esencial del español: introducción al estudio de la lengua (2ª ed.). Madrid: Espasa Calpe, 1989.
25. Serrano M. Aproximación a la gramática del discurso del español. München: Lincom Europa, 2002.
26. Terrell T. D. & Hooper J. A Semantically Based Analysis of Mood in Spanish. Hispania, 57 (3), 1974. P. 484–494.
27. Zamorano Aguilar A. Gramaticografía de los modos del verbo en español. Córdoba: Servicio de publicaciones de la Universidad de Córdoba, 2001.

References

1. Arutyunova, N.D. Predlozhenie i ego smysl: logiko-semanticheskie problem [Sentence and its meaning: logical and semantic problem]. Moskva: Nauka, 1976. 383 s.
2. Balli, Sh. *Obshchaia lingvistika i voprosy frantsuzskogo iazyka* [General linguistics and the issues of the French language]. 2-izd., stereotipnoe. M.: Editorial URSS, 2001. 416 s.
3. Bondarko, A.V. *Teoriia funktsional'noy grammatiki: Temporal'nost'. Modal'nost'* [Theory of functional grammar: Temporality. Modality] /A.V. Bondarko, E.I. Belyaeva, L.A. Biryulin (otv. red. A.V. Bondarko). L.: Nauka, 1990. 263 s.
4. Vinogradov, V.V. O kategorii modal'nosti i modal'nykh slovakh v russkom iazyke. Trudy Instituta russkogo iazyka [On the categories of modality and modalwords in Russian. The Proceedings of the Institute of the Russian language. V. 2, 1950.

5. Novaia filosofskaia entsiklopediia [New Philosophical encyclopedia], V. 2. Moskva: Mysl', 2010.
6. Alarcos, Llorach E. Gramática de la lengua española. Madrid: Espasa, 1994.
7. Bell, A. El modo en español: Consideración de algunas propuestas recientes. En Bosque I. (Ed.), *Indicativo y subjuntivo*. Madrid: Taurus, 1990. P. 81–106.
8. Bosque, I. *Indicativo y subjuntivo*. Madrid: Taurus, 1990.
9. Buyssens, E. Modes et modalités. // *Bulletin Academie Belgique*, 68, 1982. P. 21–32.
10. Bybee, J & Fleischmann, S. Amsterdam/ Philadelphia: John Benjamins, 1995.
11. Di Tullio Á. Manual de gramática del español: desarrollos teóricos, ejercicios, soluciones. Buenos Aires: Edicial, 1997.
12. González, Araña C., Herrero, Aísa M. Manual de gramática española: gramática de la palabra, de la oración y del texto. Madrid: Castalia, 1997.
13. Hernández, Alonso C. Gramática funcional del español (3ª ed.). Madrid: Gredos, 1996.
14. Jakobson, R. Shifters, Verbal Categories and the Russian Verb / Jakobson R. // *Russian and Slavic Grammar. Studies 1931–1981*. Mouton Publishers. Berlin – New York – Amsterdam, 1984. P. 41–58.
15. Marcos, Marín F., Viejo, Sánchez M., Satorre, Grau F. Gramática española. Madrid: Síntesis, 1998.
16. Mínguez, N., Sequeiros, M. Gramática del español moderno. Madrid: Santillana, 1996.
17. Otaola, Olano C. La modalidad (con especial referencia a la lengua española). // *Revista de Filología Española*, 68 (1), 1988. P. 97–117.
18. Palmer, F. *Mood and Modality*. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.
19. Portner, P. *Modality*. Oxford University Press. New York, 2009.
20. Real Academia Española & Asociación de Academias de la Lengua Española. Nueva gramática de la lengua española. Barcelona: Espasa, 2009.
21. Real Academia Española. Esbozo de una nueva gramática de la lengua española (8ª reimpresión). Madrid: Espasa Calpe, 1973.
22. Ridruejo, E. Modo y modalidad. El modo en las subordinadas sustantivas. En Bosque, I. & Demonte V. (Dirs.), // *Gramática descriptiva de la lengua española*. Vol. 2 (P. 3209–3251). Madrid: Espasa Calpe, 1999.
23. Sánchez, Márquez M. Gramática moderna del español: teoría y norma. Buenos Aires: Ediar, 1982.
24. Seco, M. Gramática esencial del español: introducción al estudio de la lengua (2ª ed.). Madrid: Espasa Calpe, 1989.
25. Serrano, M. Aproximación a la gramática del discurso del español. München: Lincom Europa, 2002.
26. Terrell, T. D. & Hooper J. A Semantically Based Analysis of Mood in Spanish. // *Hispania*, 57 (3), 1974. P. 484–494.
27. Zamorano, Aguilar A. Gramaticografía de los modos del verbo en español. Córdoba: Servicio de publicaciones de la Universidad de Córdoba, 2001.

Сведения об авторе:

Гуров Андрей Николаевич – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры испанского языка МГИМО МИД России. Сфера научных и профессиональных интересов: грамматика испанского языка, теория перевода, художественный перевод, аудиовизуальный перевод.

E-mail: gurovan@inbox.ru.

ORCID ID: 0000-0001-8068-4550.

About the author:

Andrey N. Gurov – PhD, is Assistant Professor of Department of Spanish, MGIMO University (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: Spanish Grammar, Translation Theory, Literary Translation, Audiovisual Translation.

E-mail: gurovan@inbox.ru.

Orcid: 0000-0001-8068-4550.

* * *